

УДК 811.111'04'37

**РОЛЬ МЕТАТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

© 2009 г.

М.Ю. Колокольникова

Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского

marinaugustina@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2009

Изучается влияние метатекстовых фрагментов на процесс исторического развития смысловой структуры лексических единиц. Предметом исследования является функционирование лексики морально-этической сферы в английском религиозном дискурсе XII–XV вв.

Ключевые слова: лексическая семантика, метатекст, историческое развитие, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

В настоящее время при исследовании исторических изменений семантики лексических единиц все чаще используется дискурс-анализ. Подобный подход позволяет, в частности, изучать лингвистические механизмы развития смысловой структуры лексем в неразрывном единстве с глубинными причинами данного процесса, которые, как известно, по большей части лежат во внеязыковой действительности, в постоянно меняющихся потребностях в сфере общения и познавательно-мыслительной деятельности человека. Это оказывается возможным во многом благодаря тому, что дискурс-анализ «занимается исследованием устной и письменной языковой коммуникации, протекающей в нормальных, естественных условиях» [1, с. 156] и охватывает в силу этого не только собственно лингвистические контексты, но и те фрагменты социальной действительности, в рамках которых обнаруживает себя проявление языка в действии.

Сказанное обусловлено в первую очередь природой самого дискурса, который, по мнению многих исследователей, представляет собой особую форму употребления языка для выражения особой ментальности, соотносящейся с определенным видом социальной активности людей. На уровне лексики это специфическое использование отражается прежде всего в осуществляемом дискурсом целенаправленном отборе имеющихся в его распоряжении альтернативных лексических средств. Важно отметить при этом, что дискурс не только тщательно отбирает лексические единицы, но и активно приспособливает их к характерным для него целям и условиям общения.

Из этого можно сделать вывод о том, что дискурс, будучи «сложным единством языковой

формы, значения и действия» [2, с. 121–122], способен выступать в качестве коммуникативной среды, которая модифицирует семантическую структуру лексем, а со временем закрепляет результаты изменений в системе. Данные процессы наглядно свидетельствуют о креативных способностях дискурса как возможного и, в общем, конструируемого человеком мира [3, с. 529].

Креативность дискурса тесно связана с другим присущим ему свойством, а именно – с регулярностью. Неслучайно поэтому, что одним из важнейших факторов исторической эволюции семантики лексических единиц, как показывает опыт многих исследований, является их функционирование в типовых для них в пределах того или иного дискурса контекстах употребления. Нужно особо подчеркнуть, что каждому типу контекстов присущ свой определенный комплекс постоянно воспроизводимых (хотя, разумеется, и с некоторыми вариациями) ассоциативных, тематических и лексико-семантических связей. Именно подобные комплексы и лежат, как представляется, в основе преобразующей деятельности дискурса, ведущей к изменениям в наборе компонентов смысловой структуры лексем, к уменьшению или увеличению их числа, к их перегруппировке.

Значительную роль здесь, по-видимому, играют также и различного рода метатекстовые фрагменты, характерные для некоторых видов дискурса. К их числу, несомненно, относится и религиозный дискурс, одной из ведущих функций которого является объясняющая, «представляющая собой последовательность интенций, сориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний о мире, о религиозном учении и вере» [4, с. 195].

Следует особо подчеркнуть, что в силу специфики рассматриваемой области коммуникации объектом метатекстовой рефлексии в ней могут становиться не только религиозные термины, но и общеупотребительные лексические единицы и прежде всего те, которые принадлежат морально-этической сфере.

Наглядным примером в этом отношении может служить западно-христианский дискурс XII–XV вв., в котором в данный период возрастает удельный вес сочинений морально-дидактической направленности. Среди них можно выделить морально-нравоучительные трактаты, дидактические поэмы, различного рода наставления, руководства по подготовке к таинству исповеди и т.д. Немаловажным является и тот факт, что именно в подобных жанрах, предназначенных для самых широких масс населения, наряду с латынью в религиозно-церковной сфере начинают употребляться и так называемые «народные языки». Вполне естественно, что это вызывало потребность в увеличении количества лексических единиц, способных передавать в точной форме все более усложняющиеся и все более отвлеченные морально-этические смыслы.

Между тем, известно, что на предшествующих ступенях развития языков значения лексем, предназначавшихся для передачи морально-нравственных понятий, качеств и эмоционально-психологических состояний, отличались, как правило, крайне общим недифференцированным характером. Кроме того, эти значения не были в достаточной мере еще абстрагированы от ситуаций их проявления. Отсюда – тенденция к дифференциации, уточнению семантики единиц рассматриваемого слоя лексики и одновременно к большему уровню абстракции, обобщению их значений [5]. Подобным изменениям могли подвергаться слова и словосочетания, которые образовывались вновь или были заимствованы из других языков, а также слова, существовавшие в языке уже в течение длительного отрезка времени.

Изложенное выше подтверждает и проведенный анализ 60 религиозных письменных памятников среднеанглийского периода¹. Всего в ходе исследования было зафиксировано около 700 метатекстовых фрагментов, основной функцией которых является толкование понятий морально-этического плана. На лингвистическом уровне данным понятиям в большинстве случаев (85%) соответствуют абстрактные существительные, служащие наименованиями различных добродетелей и грехов.

Это не является случайным, так как средневековая этика, которая в XII в. выделяется в качестве отдельной дисциплины в рамках теологии, рассматривалась в то время главным образом как путь различения порока и добродетели, как путь, который через раскаяние и примирение с Богом ведет человека к Спасению. Поэтому одной из важнейших задач авторов средневековых религиозных сочинений было подробное описание природы того или иного греха, чтобы помочь верующим избежать его, а если грех уже совершен, то помочь им должным образом осознать его и покаяться в нем на исповеди. Большое внимание уделялось также и тем добродетелям, которые при помощи Бога позволяют человеку противостоять греху, являясь надежным «лекарством» против него.

Данные типы контекстов требовали, безусловно, использования значительного числа различных пояснительных и уточняющих оборотов, дефиниций, которые могли строиться как на основе прямого употребления входивших в их состав лексических единиц, так и на основе переносного, метафорического. На синтаксическом уровне подобные метатекстовые конструкции могли быть представлены словосочетаниями, придаточными или самостоятельными предложениями, вступающими с интерпретируемым ими словом в отношения либо тождества, либо следствия. В первом случае показателями этих отношений обычно служили глагол-связка *to be* (*быть*), глаголы *to call*, *to name* (*называть*), логический союз *that is* (*иначе, другими словами, то есть*). Во втором – модальный глагол *to make* (*заставлять, вести к чему-то, быть причиной чего-то*).

В качестве примера приведем несколько фрагментов, в которых объектом метатекстовой рефлексии является существительное *sleuth* (варианты: *sloueth*, *slouhthe*, *sloupe*, *slowpe*, *slaught*, *slauth*, *slauphe*, совр. англ. *sloth*). Однако прежде представляется необходимым отметить, что, согласно лексикографическим источникам, рассматриваемое слово образовалось в XII в. от древнеанглийского прилагательного *slow*, *slaw* (*медленный, медлительный в движениях, в мыслях, несообразительный, вялый, неповоротливый, сонный, бездеятельный, ленивый, запоздалый*). Как и исходное прилагательное, существительное *sleuth* в изучаемый отрезок времени тоже было способно передавать довольно широкий круг значений: *медлительность, опоздание, бездействие, слабость, вялость, лень, неуклюжесть, неповоротливость, неподвижность, сонливость, несообразительность, промедление*.

Приблизительно с середины XIII в. оно начинает употребляться для обозначения одного из семи смертных грехов – *лености* (лат. *accidia*), что обусловило его принадлежность к ключевым для религиозного дискурса той эпохи лексическим единицам. Являясь основным репрезентантом соответствующего концепта, лексема *sleuth* становилась центром формирующегося номинативного поля концепта, лексические единицы которого и выполняли нередко метатекстовую (дефиниционную) функцию. Так, в частности, при пояснении значения лексем *sleuth* наиболее типичными были следующие элементы: *dullness of heart* (уныние, вялость), *heaviness of heart* (уныние, душевная тяжесть), *annooy against spiritual good* (раздражение от духовного блага), *slow in good works/deeds* (медлительный, ленивый в делах милосердия), *slow in God's service* (медлительный, ленивый в почитании Бога, в служении Богу), *sleep* (сон), *despair* (отчаяние), *weariness* (усталость), *sorrow* (уныние, мирская грусть).

Slewþeis a werynesse of goode deedes (Vices and Virtues. P. 25).

The ferthe dedly synes slouthe; and þat mase manes herte hevy and slawe in gude dede, and makes man to yrke in prayere or halynes, and puttes man in wykkednes of wanhope, for it slokyns þe lykynge of gastely lufe (*The Myrroure of seint Edmonde. Religious Pieces in Prose and Verse. P. 25*).

It es a greuouse sleuthe to do negligently that thyng that any man es be-holde to do (*Speculum Christian. P. 64*).

Þer riseþ in þee. a werines & an vnlistines of any good ocupacion, bodily or goostly, þe whiche is clepid Slewþ (*The Cloud of Unknowing. P. 37*).

Þe sexte dedly synes 'slewthe or slawenes.' þat es, a hertly angere or anoye till vs of any gastely gud þat we sall do... Anoper es, a 'dullnes or heuenes of herte' þat lettes vs for to lufe oure Lorde God Almyghten, or any lykynge to hafe in His seruise (*Dan Jon Gaytryge's Sermon. Religious Pieces in Prose and Verse. P. 13–14*).

Как можно видеть, в последнем из отрывков содержится и такая разновидность метатекста, как синонимическая замена, представленная существительным *slawenes* (медлительность, вялость, неторопливость, несообразительность, совр. англ. *slowness*), близким по значению и происхождению к лексеме *sleuth*. Формальными показателями отношений тождества между двумя лексическими единицами высту-

пает союз *or* (др.-англ. *oper*), который в данных типах контекстов передает не только значение *или*, но и *иначе, другими словами, то есть* и, таким образом, выступает в качестве семантического эквивалента союза *that is*.

Помимо существительного *slowness* в подобной функции были зафиксированы также существительные *idleness* (праздность, лень), *negligence* (пренебрежение обязанностями, нерадивость, небрежность).

It is goode to knowe.hou we shul haue us in his absence, þat for oure

slowþe or necligence we lese nat his presence (*The Chastising of God's Children and the Treatise of Perfection of the Sons of God. P. 104*).

В связи с этим представляется необходимым отметить, что о параллельном использовании синонимов как об особом литературном приеме, часто встречающемся в английских письменных памятниках того времени, говорят многие исследователи. Однако данное явление связывается главным образом с широким притоком слов из французского языка и необходимостью объяснять их значение с помощью близких им по семантике английских лексем [6, с. 206]. С подобной точкой зрения в целом трудно не согласиться. Вместе с тем проанализированный нами материал свидетельствует о том, что в текстах религиозной направленности предметом подобного рода пояснений и уточнений являлись в равной степени и исконные по своему происхождению лексические единицы, если они обозначали особо важные для изучаемой коммуникативной сферы понятия.

В целом проведенный анализ дает, на наш взгляд, основание говорить о том, что метатекстовые фрагменты, несомненно, сыграли важную роль в процессе специализации значения лексем *sleuth*, активно приспособивая ее к тем задачам, которые стояли перед ней в средневековом религиозном дискурсе. Метатекстовые компоненты, в частности, во многом способствовали появлению в смысловой структуре исследуемой лексемы ряда дополнительных, уточняющих сем, в результате чего она начинает соотноситься не с физическими аспектами существования человека, а с его духовным, морально-нравственным состоянием, которое может быть охарактеризовано как «сон души», ведущий ее к гибели и вечному наказанию. Семантическая специализация выражается также в приобретении словом четко выраженной отрицательной морально-этической коннотации, которая приходит на смену неспецифической негативно-оценочной окраске, свойственной

sleuth данной лексеме на более ранних ступенях ее развития.

Это вполне согласуется с тем фактом, что в Средние века сам грех *лености* понимался как состояние душевной апатии, безразличия, которое мешало человеку предаваться делам благочестия, прежде всего молитве. Его главными последствиями считались невнимательность во время мессы, забвение грехов на исповеди, неисполнение епитимьи. Св. Томас Аквинский (XIII в.), объединявший грех *лености* с грехом *уныния* (лат. *tristitia*), рассматривал его как отказ от радости общения с Богом, от духовного блага вообще.

Важно подчеркнуть, что в рассматриваемый период лексема *sleuth* могла реализовывать формирующееся у нее специализированное значение и в других типах дискурса. Это было, несомненно, обусловлено особой социальной значимостью типовых для лексемы в рамках религиозной области контекстов употребления, направленных на формирование в средневековом обществе определенных морально-этических норм и установок. Поэтому закономерно, что подобные контексты в виде инодискурсивных включений получили распространение и за пределами собственно религиозной сферы коммуникации.

В данной связи показательны, например, произведения Уильяма Ленгланда, Джеффри Чосера, Джона Гауэра, в которых широко представлена не только сама тема *семи смертных грехов*, но и традиционные языковые (в том числе и лексические) средства ее реализации.

slombrynge. maketh a man be heuy and dul / in body and in soule.

And this synne comth of Slouthe (*Chaucer G. Canterbury tales. P. 641*).

Ac whiche be þe branches þat bryngþmene
Ys, whanne a man mourneþ nat for hus mysdedes
þe penaunce þat þe prest enioyneþ parfournþe vuele
Doþ non almys-dedes and drat nat of synne (*Langland W. Piers the Plowman. P. 124*).

turnde to sleuth& to prute & to lecherie
To glotonie & heyemen muche to robbrie (*The metrical chronicle of Robert of Gloucester. P. 524*).

Изложенные выше факты относятся, разумеется, к процессу исторического развития семантики не только существительного *sleuth*, но и других ключевых для религиозного дискурса изучаемой эпохи единиц морально-этического плана. Показательной в связи с этим является также эволюция смысловой структуры средне-

английского существительного *coveitise* (*coveitise, couetise, coueytise*, совр. англ. *covetousness*) [7]. Оно было заимствовано из французского языка приблизительно в конце XII в. и использовалось первоначально для обозначения таких широких понятий, как *желание, страсть, стремление к чему-то*, сочетаясь при этом с лексическими единицами разнообразной семантики.

Неслучайно поэтому, что в средневековых английских текстах различной жанровой и дискурсивной принадлежности часто можно встретить словосочетания типа: *fleschli coveitise* (*плотское желание, вожделение*), *coveitise of wisdom* (*стремление к знанию, мудрости*), *coveitise of knowledge* (*стремление к познанию*), *coveitise of lordship* (*стремление к власти, жажда власти*), *coveitise of ryches* (*стремление к богатству, жажда богатства*), *þe coueytise of þe spyrite* (*духовные устремления, духовная жажда*). Подобные словосочетания свидетельствуют также и о том, что на ранних этапах своего существования в английском языке слово *coveitise* не имело постоянной отрицательной морально-этической оценочности.

Дальнейшее развитие семантики существительного *coveitise*, как и развитие семантики существительного *sleuth*, было во многом обусловлено его функционированием в контекстах, связанных с темой *семи смертных грехов*, в которых оно использовалось в качестве наименования греха *алчности (жадности)*. Это вело к сужению понятийной соотнесенности лексемы, к закреплению в ее смысловой структуре ряда дополнительных сем уточняющего, конкретизирующего характера. В наиболее эксплицитной форме этот процесс находит свое отражение в тех фрагментах религиозных текстов, в которых слово *coveitise* служит объектом метатекстовой рефлексии и получает толкование с помощью таких единиц, как *immeasurable love for earthly (worldly) goods* (*неумеренная любовь к земным благам, к богатству*), *desire for riches* (*стремление к богатству*), *hardness of heart* (*жестокосердие, равнодушие*), *tamton* (*поклонение богатству, маммона*) и т.д.

The fyfte dedly synnes couetyse, and þat es, ane vn-mesurabil luffe to hafe erthely gudes; and it destroyes & blyndes manes herte. And þare-of commes tresones, False athes, wykked reste, Malice, and hardnes of herte agaynes mercy (*The Myrroure of Seynt Edmonde the Ersebechope of Canterbury. P. 25*).

þe fyfte dedly synnes callede Couetyse' þat es, a wrangwyse wilnyng or gerynyng to haue any maner

of gude vs awe noghte (*Dan Jon Gaytryge's Sermon. P. 13*).

but for 'mammona iniquitatis' þat is for couetise. so ferforþe crueli agenstonding þe prechours of trouþe. þat þei schul be holden in þer dai (*The Lanterne of lizt. P. 14*).

Подобные текстовые фрагменты, безусловно, оказали значительное влияние на формирование у лексемы *coveitise* специфической для нее в рамках религиозного дискурса системы парадигматических и синтагматических связей. Особо здесь стоит, на наш взгляд, выделить существительное *avarice* (лат. *avaritia*), которое также использовалась для наименования греха *алчности* и, следовательно, могло выступать в качестве семантического эквивалента существительного *coveitise*. Ср. контексты, в которых одновременно функционируют оба существительных, уточняя и поясняя значение друг друга.

et oþer / is enuie. þe þridde / wreþe. þe uerþe / sleauþe / þet me clepeþ
ine clergie: accidyde. þe vifte / icinge. in clergie / auarice. oþer couaytise
(*Michel D. Ayenbite of Inwyt. P. 16*).

This makith couetise or Auarice
Roote of al harmē (*Hoccleve Th. The Regement of Princes. P. 70*).

In foule couetise, þat is avarice, whanne he coueitide to haue more þan god had gouun him & more þan needide to him (*Elucidarium of Honorius of Autun. Wycliffite version of part. P. 16*).

Вместе с тем проведенный анализ позволил выявить и другой тип контекстов, в которых особо подчеркиваются и получают объяснение те дополнительные смысловые признаки, которые имеются у каждого из рассматриваемых существительных. Это обычно связано со стремлением авторов средневековых религиозных сочинений дифференцировать два основных аспекта, которые характерны для греха *алчности* и которые в равной степени осуждаются христианской моралью. Таковыми являются:

- неукротимое стремление к приобретению любыми средствами все новых материальных благ, особенно тех, которые принадлежат другим;
- отказ делиться имеющимися материальными благами со своими ближними, т.е. скупость.

Первый из этих аспектов традиционно ассоциировался с лексемой *coveitise*, а второй – с

лексемой *avarice*. В качестве наглядного примера можно привести отрывок из религиозно-нравоучительного трактата Дж. Маннинга “*Handling Synne*”, где каждому из *семи смертных грехов* посвящена отдельная глава. В самом начале главы, в которой описывается грех *алчности*, дается пространное пояснение относительно имеющих у него двух наименований и различий между ними:

Coueytise ys þe fryst vyce;
þat streyte ys holde, y halte auaryce.
Coueytise ys of vs echone,
But auaryce wulde haue echone.
Coueytise, ys desyryng of boght,
But auaryce, wulde þat none had oght.
Coueytise, cumþ oþerwhyle of gode;
But auaryce wyþdrawyþ mannys fode.
Coueytise, cumþ of kynde of blode;
But auaryce, ys noþer kynde ne gode.
As y kan telle, þys ys þe assyse
Betwyxe auaryce and coueytise (*Mannyng R. Handling synne. P. 175*).

В известном произведении Джона Лигата “*The Pilgrimage of the Life of Man*” представленный в аллегорической форме грех *алчности* сходным образом объясняет Пилигриму наличие у него двух имен:

And my name ek to devyse,
But Coveytysē, men calle me
Off verray ryht and equitye,
Whan I am mevyd in my blood
To coueyte other mennys good.
And Avarycē men me calle,
Whan that I fro folkys alle
Kepe al that euere I getē kan,
And wyl departē with no man,
Wher they be wel or euele apayed (*Lydgate J. The pilgrimage of the life of man. P. 468*).

Примечательно, что толковые словари современного английского языка и словари синонимов дают фактически те же объяснения, касающиеся различий между существительными *avarice* и *covetousness* (ср.-англ. *coveitise*), что и средневековые религиозные тексты. Ср.:

avarice stresses greed for money or riches and often connotes miserliness;
covetousness implies greed for something that another person rightfully possesses.

Подводя итоги, можно, прежде всего, сделать вывод о том, что рассмотренные метатекстовые фрагменты играли активную роль не только в адекватной передаче значений лексических единиц в том или ином конкретном контексте, но и в модификации всей их смысловой структуры сначала в рамках самого религиозного дискурса, а позже и в языке в целом. Это еще раз позволяет говорить о наличии у метатексто-

вых конструкций наряду с коммуникативной и смыслопорождающей функции. Последняя в свою очередь служит одним из проявлений креативных способностей дискурса как самоорганизующейся системы, приспособляющей лексические единицы к возможно более точному обозначению ключевых для него смыслов, а также транслирующей эти смыслы в другие области коммуникации.

Таким образом, проанализированный нами материал позволяет говорить о том, что привлечение дискурс-анализа позволяет выявлять те сдвиги в семантике лексем, которые первоначально, как правило, оказываются связанными с тематически ограниченной, но социально значимой группой контекстов, а в дальнейшем находят отражение в языковом узусе. Разумеется, это ни в коей мере не отрицает того влияния, которое оказывают на ход исторического развития семантики слов внутрисконструктурные факторы. Однако, как представляется, во многих случаях в основе данного процесса лежит в первую очередь именно специфика функционирования лексических единиц в условиях реального общения в определенном дискурсном пространстве.

Примечание

1. Все тексты, послужившие материалом для исследования и цитируемые в данной статье, размеще-

ны на сайте: *CME (Corpus of Middle English Prose and Verse)* – <<http://www.hti.umich.edu/c/cme/>>

Список литературы

1. Макаров М.Л. Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной психологии // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 153–162.
2. Дейк Т.Я. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 318 с.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: стратегии построения и развития // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2006. С. 190–199.
5. Гвоздецкая Н.Ю. К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 138–142.
6. Иванова И.П. Семантика английских слов в связи с французскими заимствованиями в эпоху становления национального литературного языка // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1949. № 97. Серия филол. наук. Вып. 14. С. 206–221.
7. Колокольникова М.Ю. Семантическое и функциональное развитие лексем *coveitise* и *avarice* в английском религиозном дискурсе XIII–XV вв. // Германская филология: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 3. С. 93–99.

THE ROLE OF METATEXT IN THE HISTORICAL EVOLUTION OF SEMANTICS OF LEXICAL UNITS

M. Yu. Kolokolnikova

The paper deals with the influence of metatextual fragments on the historical development of the semantic structure of lexical units. The investigation focuses on the functioning of moral ethical lexis in the English religious discourse of the 12th–15th centuries.

Keywords: lexical semantics, metatext, historical development, religious discourse, domain of morals and ethics.